ISSN 2304-120X
Концепт
научно-методический электронный журнал

Симашенков П. Д. Оппозиционеры и революционеры в российской истории // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2018. – № 6 (июнь). – 0,5 п. л. – URL: http://e-koncept.ru/2018/183029.htm.

ART 183029 **УДК 323.21:32.019.51**

Симашенков Павел Дмитриевич,
кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления и правового обеспечения государственной службы АНО ВО Университет «МИР», г. Самара
pavel.simashenckov@yandex.ru

Оппозиционеры и революционеры в российской истории

Аннотация. *Статья посвящена проблеме разграничения понятий революции и оппозиции в координатах отечественной истории. Выявляя противоречие между «прогрессистами» и «ортодоксами», автор переосмысливает марксистско-ленинские взгляды на революционное движение в России и на взаимоотношения власти и общества.*
Ключевые слова: *революция, оппозиция, власть, социум.*
Раздел: *(03) философия; социология; политология; правоведение; науковедение.*

Чтобы бороться против бюрократического приказного строя,
освободительное движение должно противопоставить ему не общие интересы,
а какое-нибудь другое объединяющее начало.
Е. Трубецкой

В России, наверно, никогда не было оппозиции в западном смысле этого слова, т. е. той, что сама рвалась бы к власти. Русские критики режима – это преимущественно теоретики-интеллигенты, духовные лидеры (еще со времен нестяжателей), у которых идейная убежденность и нравственный максимализм соседствуют с изумительной наивностью (хотя, возможно, политическая наивность в крови всех нравственных людей, а потому органически связана с порядочностью). Множество таких романтиков стремилось усовершенствовать уже сложившуюся, существующую на тот момент политическую систему. Приведенный нами тезис подтверждает мысль М. Волошина: «Бороться с монархией интеллигенция могла только в ограде крепких стен, построенных самодержавием. Строить стены и восстанавливать их она не умела: она готовилась только к тому, чтобы их расписывать и украшать» [1].

В лучших традициях альтернативного мышления отношение к т. н. оппозиции в России определяется отношением к правящему режиму. Любой исторгнутый властью подпитывается народным сочувствием и, соответственно, получает шанс питать народный инстинкт протеста [2]. Так было с патриархом Никоном, коему народ простил и раскол, и жестокость, сочинив легенду, будто опальный патриарх благословил дело Степана Разина. Той же почти бессознательной бабьей жалостью объясним современный «феномен Немцова» и прочих олигархов-кремлиардеров, отлученных от властного кормила и бюджетной кормушки. Таковы нынешние «оппозиционеры» отечественного пошиба – «страдальцы и печальники» за дело демократии, правового государства, либеральной экономики – любой абстракции, только не своего народа [3]. Реальные люди – вот что мешает им быть гуманистами.

Оппозиционер и революционер в России суть принципиально разные социально-исторические типы. Оппозиционер здесь не тот, кто хочет прийти к власти, а тот, кто когда-то бывал подле власти. Именно поэтому оппозиционная риторика в России всегда конкретна и ретроспективна («Вот при мне такого бардака не было!»), следовательно, ущербна. Оппозиционеры не способны что-либо поменять и просто отрабатывают деньги тех, кто заказывает в России какофонию «управляемого хаоса». Наоборот, революционеры мыслят перспективно, им нет дела до разочарований, и потому (снова парадокс!) революционеры в России – настоящие, подлинные ортодоксы и консерваторы.

Революции имплицитно консервативны; они неизбежно знаменуют собой некий откат в прошлое, к исторически проверенным общественным формам, ибо гармонию (особенно социальную) в каждом конкретном случае приходится выстраивать с нуля [4]. Вспомним диктатуру пролетариата: тут и трудовая повинность военного коммунизма, напоминающая азиатский способ производства, и даже своеобразный неофеодализм с привилегиями, основанными на учете классового происхождения (почти аналогичного сословной принадлежности). Соответственно, драматизм революции определяется скорее не величиной дисбаланса производительных сил и производственных отношений, а тем, насколько радикально-еретически будут настроены носители революционной идеологии. Иногда культуру обрезают под самый корень, возвращаясь к совершенно диким временам и обычаям. Радикал (от лат. radix – корень) производит травматическую обрезку веток технологии на древе культуры, чтобы то росло и цвело пышнее и разнообразнее. Нет обрезки – и от культуры останется голый ствол основных инстинктов, увитый сорняками фрейдистских комплексов.

Как правило, серьезные социальные потрясения происходят в те эпохи, когда технологический расцвет неизбежно и остро контрастирует с упадком нравов. Кризис духовного оскудения разрешался кровавыми жертвоприношениями на алтарях революций, ибо где на одном полюсе цинизм, на другом – суеверия и предрассудки. Рыба гниет с головы, и первые мысли о перевороте посещают умы т. н. элиты. Это и декабристы (трагедия), и упитанный новорусский «креативный класс» – болотные декабристы декабря 2011 г. (фарс), выступавшие в периоды «междуцарствия». Попробуем в связи с этим развить бессмертный ленинский тезис о трех этапах освободительного движения. По нашему мнению, брожение мыслей неизменно начинается с верхов: там есть время подумать о вечном (аристократическая праздность располагает к рефлексии и умствованиям) и осознать глубину нравственного падения правящей верхушки (т. е. представителей своего сословия, что особенно горько и обидно). Однако это локальный протест. Отвращение к аморальности, как правило, дополняется идеалистически-утопичной программой действий («страшно далеки они от народа» [5]). Занятие революцией – своеобразное рискованное хобби элиты, облагороженное тем, что лучшие его представители воспитаны в духе исторической ответственности, а посему увлечение вольнодумством совершенно бескорыстно и не приносит ничего, кроме опасностей. Революция для аристократов дело неблагодарное, так как отрицает их самих. Заговорщики-аристократы – пророки революции.

Второй этап (условно «разночинский») обусловлен проникновением просвещения в средние слои населения. Разночинцы фрустрированы невозможностью сравниться в социальном статусе с аристократами, притом что уровень образования разночинцев на тот момент едва ли не превосходит просвещенность элиты, массово погрязшей в пороках. Конфликт разрешается более драматично: приспособленцы-разночинцы делают карьеру и идут вверх (способствуя быстрейшему закрытию класса элиты), непрактичные разночинцы идут вниз, практикуя просвещение угнетенного населения. В просветителях много творческой самоотверженности. Если дворяне-революционеры несколько эгоцентрично видят в революции свою сословную миссию (кто, если не мы, рожденные править?), для разночинцев революция – в служении идеалу народа (а не идеалу Отечества, как у дворян). Образ конкретизируется. Разночинцы – апостолы и мученики революции.

Третий этап (массовый, «пролетарский») связан с распространением знаний (и агитаторов) в беднейших массах. Подобно яркому лучу, свет науки пугающе ослепляет и дезориентирует многих, привыкших жить в темноте. Отсюда агрессия масс (усугубленная бессознательностью толпы), легкая увлекаемость и восприимчивость народа к радикальным лозунгам. Толпа неуправляема, ее можно лишь направлять – вот для чего необходима

диктатура революционно-прогрессивного класса, гегемона. Протест против государства рождает господство еще более насильственное – не для того чтобы покончить с контрреволюцией (с ней расправилась бы и толпа), но дабы обезопасить народ от себя самого, пребывающего в консистенции озверевшего охлоса. Государство низвергается в хаос, из которого восстает новое – победившего класса, смертию смерть поправ. Властные институты вновь упорядочивают социальную организацию. По сути, диктатура являет собой радикальную форму преемственности власти, фактически свергнутой, но на уровне идеи не отвергнутой теоретиками революции.

Что же до масс, у каждого конкретного их представителя революция связана с реализацией своего жизненного интереса (жить лучше, свободнее, богаче). Соответственно, масса остановится, как только простейшие потребности (пища, безопасность) будут удовлетворены. Массы – движущая сила революции, но с громадным потенциалом инерции, их энергия должна быть направляема чьей-то рукой (партия, вождь, мессия). По словам Монтескье [6], народ либо слишком, либо недостаточно деятелен: иногда сотней тысяч рук он все опрокидывает, а иногда сотней тысяч ног он движется как насекомое. Если и можно рассуждать о массовом сознании, придется признать за ним исключительно мифологический характер: легендой становятся именно в массовом сознании. Управление массами состоит в направлении стихийного движения в нужное вождю русло [7]. Без стихии нет и вождей. Сама по себе масса способна лишь на инволюцию, опрощение и разрушение. Показательно, что и после победы именно массы порождают и терпят новых управленцев, дискредитирующих достижения революции. Как говорил Бисмарк, революции задумывают гении, осуществляют герои, а пользуются ее плодами проходимцы. Круг замыкается: власть обновляется, когда правящий класс начинает видеть в идее государства источник и ресурс удовлетворения своих эгоистических потребностей вместо Служения. Снова опошление идеала.

Таким образом, на первом этапе революционеры борются с государством и формируют его концептуальную модель; они не склонны привлекать к высоким материям народ (сказывается их сословный эгоизм). На втором – борьба со сложившимися общественными отношениями; разночинцы пытаются создать новый формат социальных интеракций. На третьем – борьба с моральным фундаментом общества и государства (новая вера, новая мифология и психология). Три этапа, с внешней стороны вольнодумство – миссионерство – массовый бунт; с внутренней (субъективной): сознание – чувство – инстинкт. Словами М. Пришвина, «революция – это месть за мечту» [8] – мечту о достойной жизни, отнятую у людей зарвавшейся властью.

Анализируя три этапа революционного движения, мы не склонны соотносить их лишь с отечественной историей. Так уж вышло, что универсальные законы инволюции идеалов острее всего проявились в России – стране, где много сотен лет было особое отношение к святыням, и благодаря этому зачастую сакральный принцип власти вырождался или сознательно подменялся непогрешимостью персоны правителя. Фатальная ошибка русского сознания в том, что все, провозглашенное священным, прекрасно. Русские не всегда чувствуют разницу между абстрактно-философской концепцией и вечно живым идеалом, склонны абсолютизировать доктрины и трепетать перед ними. Наша национальная болезнь – в предрасположенности к сакрализации, в обожествлении средств. Это приводит к снижению критики (как всякая любовь, слепая по определению), а после неизбежного разочарования – к покаянному глумлению, осмеянию и ниспровержению «неправильной» теории.

Характернейшую черту русской общественной мысли составляет идеалистический максимализм, а т. н. скифство, русский дух, духовный максимализм принципиально отвергают какую бы то ни было трезвость жизни. Русские фатально влюбчивый

народ; наше сознание настолько пронизано религиозным чувством прекрасного, что быстро позволяет себя влюбить даже утилитарным идеям (рыночная экономика, разделение властей), а потом расплачивается за это, находясь под их гнетом и перфекционистски доводя их до абсурдного абсолюта. По пророчеству протопопа Аввакума, «выпросил у Бога светлую Россию сатана – да очервленит ее кровью мученической. Добро ты, Диавол, выдумал – и нам то любо: ради Христа страданьем пострадати» [9].

Вспомнив о мучениках, коснемся и темы террора, представляющего собой, как мы считаем, крайнюю форму демонстративно-насильственного отстаивания устаревшего содержимого (догмы) в условиях исчерпанности содержания. В частности, опричные казни и якобинский террор суть свидетельства упадка нравственной силы закона и власти. Исчерпанные старые формы не в состоянии ни сцементировать общество, ни даже оправдать сам террор. В первую очередь это касается террора, инициированного государством, в меньшей степени – террора революционного. И все же самая мысль о том, что физическое устранение одиозного чиновника – это Поступок, уже сам поступок опошляет. Многие террористы почитали наказание за содеянное мученичеством, но сие есть вопрос весьма спорный, поскольку мученичество всегда «за» идею, террор же – «против» конкретного проявления чего-либо или против конкретной персоны. Террор непременно «анти», но во вот имя чего – не всегда понятно. По большому счету террористы скорее мученики своего альтернативного мышления, чем собственно революции. Не отрицая самопожертвования и героизма многих из них, приведем, однако, весьма точную оценку, данную им славянофилом И. Аксаковым: «Террористы – люди самого жидкого смысла, но крепкого духа» [10].

Парадокс: в деле революции главный провокатор и террорист вовсе не агитаторы, а само государство. Поясним нашу мысль. Если вехи развития освободительного движения определяются социально-сословными критериями, то свершается революция обыкновенно там, где сословные границы размыты. При этом инициатором такого размытия (деклассирования) является власть, осуществляя очередные реформы в целях якобы демократизации. Если народ – государь, народ – правительство, тогда нет народа, утверждал К. Аксаков [11]. Разночинцы осознают несправедливость своей участи в сравнении с сытыми аристократами, аристократы унижены сравнением с разночинцами, а в низах общества царит невыносимая давка от желания взмыть вверх на временно открытом лифте быстрой карьеры. Механистическое понимание социальной мобильности способно уничтожить последние признаки оседлости: как заметил Пришвин, «все стали проходимцами». Деклассированные элементы – лучший запал для массового этапа революции.

Даже при единстве и общности идеала выражения его и пути к нему в разных слоях общества могут различаться, это и формирует сословные культуры (рабочая честь, честь дворянская и спесь нищего – три большие разницы, как сказали бы в Одессе). Реформируя общество по лекалам вульгарной демократии, незадачливая власть способствует механическому смешению культур, а подмена растворителя (припомним паретовские резидуи и дериваты) неизбежно вызывает мутную опалесценцию – деклассированных, не нашедших применения, не принявших миссию. По словам Ф. Ницше [12], наиболее безнравственен не человек без идеала, а тот, кто не может найти пути к нему. Как видим, упорядоченность и стратификация жизненно необходимы для обеспечения стабильности государства. Следовательно, дееспособность политического режима обеспечивается не столько циркуляцией элит, сколько его нравственным наполнением, даруемым исключительно интеллигенцией. Вместе с тем хождение во власть интеллигентов или представителей других страт лишь ускоряет процесс деклассирования, деморализации и инволюции государства. Старый

(сословный, классовый) идеологический курс для обновленно-деклассированного населения и являет собой тот когнитивный диссонанс, который Ленин запечатлел в знаменитой формуле «Верхи не могут, а низы не хотят».

Власть обязана стремиться к самоконцентрации, в этом ее природа – преодолеть и превзойти изначально заложенную в ней двойственность. Всякий раз, когда концентрация власти разбавляется инородными включениями «из народа», потревоженное общество проявляет недовольство правящей верхушкой, ведь, с одной стороны, государство оберегает народ от проблем, а с другой – создает проблемы, да еще и призывает население решить их! Очередной парадокс: общественное участие в политике усиливает неприятие официального политического курса и тем самым подготавливает революцию. По нашему убеждению, первый акт революции – не расстрел веры в царя (это трагичная, кровавая прелюдия), а ситуация, когда автократия вспоминает о Генеральных штатах или формирует Государственную думу. Власть сама приближает гибель вместо того, чтобы облагородить себя своими же силами и средствами: прислушиваясь к совести нации (интеллигенция) и ни в коем случае не впитывая в свои ряды маргиналов-любителей, покататься туда-сюда на социальных лифтах. Это во многом проясняет идею важности внутриведомственного контроля и своевременных партийных чисток в недрах госаппарата. Регулярная гигиена и профилактика лучше оперативного вмешательства революции, а иногда позволяет вообще его избежать.

Итак, нами установлено, что социальная эволюция невозможна, революция же не всегда обязательна и предопределена. Будь по-другому, революции не детерминировались бы некоей ситуацией, три (снова триада!) признака которой гениально определены Лениным. Иными словами, залог успеха революции – в возможности воспользоваться конкретной ситуацией, когда правящий режим особенно уязвим и слаб. Вот откуда ленинское определение России как «слабого звена в цепи империализма» и историческая фраза «Промедление смерти подобно». Действительно, революции нужен повод, в противном случае потребуется дожидаться следующего. Еще один парадокс революции заключен в том, что, рождаемая накоплением многолетних противоречий, та зависит от конкретной ситуации, когда социальные коллизии подходят к роковой черте.

Революция с большей вероятностью происходит не там, где оформились классы и сословия (любое конституирование есть основа порядка), а там, где острее всего нравственные противоречия между официально декларируемыми ценностями и убогими реалиями. В 1905 и 1917 гг. она потрясла Россию, где не было ни хрестоматийного пролетариата, ни классической буржуазии в их школьно-классовом понимании. Вне ясных идеологических установок угнетенные и угнетатели инстинктивно ищут нравственную опору и в отчаянии примеряют на себя личины классов-антагонистов – хотя бы потому, что основное противоречие здесь очевиднее и проще – экономическое, а бедные всегда ненавидели богатых. Тот же факт, что не во всех странах это нравственное противоречие дошло до антагонизма, объясняет, в частности, крах надежд большевиков на триумф мировой революции в 1917–1920 гг. – и подтверждает наш тезис о важности идеологического обеспечения как стратификации, так и государственной власти.

Отчуждение народа России от власти происходит главным образом оттого, что моральные ориентиры насаждаются безнравственной властью, в то время как большинство населения живет (точнее, выживает) по другим, архаичным канонам (типичный пример – европеизация времен Петра Великого). Не рискнем пророчествовать, но, на наш взгляд, невозможность революции в современной России проистекает не столько от сознательного деклассирования ее населения, сколько от тотального отсутствия внятных моральных ориентиров, причем абсолютно у всех категорий населения, от наворовавших чинуш до желающих достичь их уровня жизни мещан.

Ссылки на источники

1. Волошин М. А. Россия распятая. – М., 1992.
2. Симашенков П. Д. «Прозрачность» и сакральность российской власти в исторической перспективе // Государственная власть и местное самоуправление. – 2016. – № 6. – С. 60–64.
3. Симашенков П. Д. Сакральность российской государственной власти: историко-политический акпект // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – № 8. – С. 116–124.
4. Симашенков П. Д. Исторический прогресс и инволюция идеалов: этико-философское исследование. – Самара: ООО «Издательство АСГАРД», 2017.
5. Ленин В. И. Памяти Герцена. – М.: Политиздат, 1980.
6. Монтескье Ш. Избранные произведения. – М., 1955.
7. Симашенков П. Д. Политриторика в публичном праве России: терминологический аспект // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – № 1. – С. 101–105.
8. Пришвин М. М. Дневники. – М., 1990.
9. Житие протопопа Аввакума им самим написанное. – М.: Гослитиздат, 1960.
10. Аксаков И. С. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 1.
11. Полное собрание сочинений К. С. Аксакова. Т. 3. – М.: Унив. тип., 1880.
12. Ницше Ф. Сочинения. Т. 1. – М., 1990.

Pavel Simashenkov,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Public Administration Chair, International Market Institute (IMI), Samara
pavel.simashenckov@yandex.ru

Revolutionaries and opposition members in Russian history

Abstract. The article is devoted to the problem of distinguishing the concepts of revolution and opposition in the coordinates of national history. Identifying the contradiction between «progress supporters» and «orthodox persons», the author reinterprets the Marxist-Leninist views on the revolutionary movement in Russia and on the relationship between power and society.

Key words: revolution, opposition, power, society.

References

1. Voloshin, M. A. (1992). *Rossiya raspyataya*, Moscow (in Russian).
2. Simashenkov, P. D. (2016). “Prozrachnost'” i sakral'nost' rossijskoj vlasti v istoricheskoj perspektive”, *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*, № 6, pp. 60–64 (in Russian).
3. Simashenkov, P. D. (2016). “Sakral'nost' rossijskoj gosudarstvennoj vlasti: istoriko-politicheskij akpekt”, *Nauchno-metodicheskij ehlektronnyj zhurnal “Koncept”,* № 8, pp. 116–124 (in Russian).
4. Simashenkov, P. D. (2017). *Istoricheskij progress i involyuciya idealov: ehtiko-filosofskoe issledovanie,* OOO “Izdatel'stvo ASGARD”, Samara (in Russian).
5. Lenin, V. I. (1980). *Pamyati Gercena*, Politizdat, Moscow (in Russian).
6. Montesk'e, Sh. (1955). *Izbrannye proizvedeniya*, Moscow (in Russian).
7. Simashenkov, P. D. (2015). “Politritorika v publichnom prave Rossii: terminologicheskij aspekt”, *Nauchno-metodicheskij ehlektronnyj zhurnal “Koncept”*, № 1, pp. 101–105 (in Russian).
8. Prishvin, M. M. (1990). *Dnevniki*, Moscow (in Russian).
9. (1960). *Zhitie protopopa Avvakuma im samim napisannoe*, Goslitizdat, Moscow (in Russian).
10. Aksakov, I. S. *Sobranie sochinenij: v 12 t. T. 1* (in Russian).
11. (1880). *Polnoe sobranie sochinenij K. S. Aksakova. T. 3,* Univ. Tip., Moscow (in Russian).
12. Nicshe, F. (1990). *Sochineniya. T. 1*, Moscow (in Russian).

Рекомендовано к публикации:
Горевым П. М., кандидатом педагогических наук,
главным редактором журнала «Концепт»

Поступила в редакцию *Received*	24.03.18	Получена положительная рецензия *Received a positive review*	10.04.18
Принята к публикации *Accepted for publication*	10.04.18	Опубликована *Published*	28.06.18

ISSN 2304-120X 06
www.e-koncept.ru

Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)
© Концепт, научно-методический электронный журнал, 2018
© Симашенков П. Д., 2018